

Эммануэль Каррер

ЛИМОНОВ

Роман

Эммануэль Каррер

ЛИМОНОВ

«Ад Маргинем Пресс»

2011

УДК 821.133.1-31Каррер Э.
ББК 84(4Фра)-44

Каррер Э.

Лимонов / Э. Каррер — «Ад Маргинем Пресс», 2011

ISBN 978-5-91103-649-2

Роман-биография Эдуарда Лимонова (1943-2020), написанный французским писателем Эммануэлем Каррером, снискал большой европейский успех и в 2013 году, при жизни его героя, был переведен на русский язык, заслужив — по крайней мере как литературный факт — благосклонную оценку с его стороны. Новое издание выходит в год восьмидесятилетия Лимонова, на фоне предсказанной им войны и подтверждает как актуальность фигуры писателя, пропустившего через себя острейшие внутренние конфликты своей страны, так и прозорливость его биографа, сумевшего зафиксировать дух сразу нескольких культурных миров, через которые Лимонов прошел в своем развитии, в том числе смутную атмосферу России 1990-2000-х, где он пережил вторую молодость, полную надежд и разочарований.

УДК 821.133.1-31Каррер Э.

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-91103-649-2

© Каррер Э., 2011

© Ад Маргинем Пресс, 2011

Содержание

Пролог	6
1	6
2	9
3	12
4	16
I	19
1	19
2	21
3	24
4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Эммануэль Каррер
Лимонов
Роман

Emmanuel Carrère

Limonov

Limonov © P.O.L Éditeur, 2011

© Наталия Чеснокова, перевод, 2013

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2023

У того, кто хочет восстановить коммунизм, нет мозгов.

У того, кто о нем не сожалеет, нет сердца.

Владимир Путин

Пролог

Москва, октябрь 2006 – сентябрь 2007

1

До 7 октября 2006 года – того самого дня, когда Анна Политковская была убита в подъезде собственного дома, – имя этой мужественной журналистки, открыто противостоявшей политике Владимира Путина, было известно лишь тем, кого интересовали перипетии чеченских войн. Но вот в одночасье ее лицо, печальное и непреклонное, стало для западного мира олицетворением свободомыслия. В ту пору я заканчивал работу над документальным фильмом, снятым в маленьком российском городке, часто бывал в России, поэтому, как только новость о гибели Анны попала в СМИ, один журнал предложил мне первым же рейсом вылететь в Москву. Моя задача заключалась не в том, чтобы проводить какое-то расследование, – мне было предложено просто поговорить с людьми, которые ее знали и любили. Вот так и получилось, что я провел целую неделю в редакции «Новой газеты», где она работала специальным корреспондентом, в организациях по защите прав человека и в комитетах солдатских матерей. И журналисты, и правозащитники ютились в тесных, плохо освещенных помещениях с допотопной оргтехникой. Многие из них уже немолоды, а численность этой горстки людей удручающе мала. В этом узком кружке, где все друг друга знают, я тоже быстро перезнакомился со всеми, убедившись, что эти люди и есть, в сущности, вся демократическая оппозиция в России.

Помимо русских друзей у меня в Москве есть и другой круг знакомых, состоящий из французов, живущих в России, – журналистов и деловых людей. И когда вечером я рассказывал им о своих дневных встречах, в ответ они сочувственно улыбались: мужественные демократы, борцы за права человека, о которых я рассказывал, были достойны всяческого уважения, но правда заключалась в том, что обществу до их борьбы не было никакого дела. Они вели заранее проигранную битву в стране, где соблюдение формальных свобод мало кого интересовало, лишь бы граждан не лишали права обогащаться. Кстати, ничто так не забавляло, точнее, не раздражало моих живущих в России французских друзей, как широко распространенное у нас мнение, что убийство Политковской было совершено по заказу ФСБ (политической полиции, во времена СССР называвшейся КГБ), и даже более того – по заказу самого Путина.

«Послушай, – говорил мне Павел, бывший преподаватель франко-российского университета, а ныне предприниматель, – надо перестать нести всякую чушь. Ты знаешь, что я прочитал, если не ошибаюсь, в *Nouvel Observateur*? Тамошнему журналисту показалось странным, что Политковскую, как по заказу, подстрелили именно в день рождения Путина. *Как по заказу!* Ты представляешь, до какой степени идиотизма надо дойти, чтобы на полном серьезе написать такое? Ты видишь эту картину? В ФСБ собирается чрезвычайное совещание. „Господа, скоро день рождения Владимира Владимировича. Надо сделать ему такой подарок, который действительно доставил бы ему удовольствие. Какие есть соображения?“ Высокое собрание чешет репу, потом кто-то предлагает: „А что, если принести ему голову Политковской, этой вонючки, которая только и делает, что поливает его грязью?“ По рядам пробегает одобрителный шепот. „Прекрасная мысль! Вперед, ребята, у вас полная свобода рук“. Прости, – заключил Павел, – но я на такую дешевку не куплюсь. Подобное можно увидеть разве что в русском ремейке „Гангстеров“¹. В реальной жизни – никогда. И еще знаешь что? На самом деле правдой

¹ «Гангстеры» («Les tontons flingueurs») – французская криминальная комедия 1963 года с Бернаром Блие и Лино Вентурой. – Здесь и далее примеч. ред.

является как раз то, о чем сказал Путин, так возмущивший прекрасногодушного западного обывателя: убийство Анны Политковской и шум, поднятый вокруг этого преступления, нанесли Кремлю гораздо больше ущерба, чем все ее статьи в газете, которую никто не читает».

Я слушал, как Павел и его друзья, живущие в центре Москвы в прекрасных квартирах, снятых по баснословным ценам, защищают власть, приводя следующие аргументы. Во-первых, всё могло бы быть в тысячу раз хуже; во-вторых, граждан России это устраивает – так какой же смысл читать им мораль? Но я слушал также грустных, рано постаревших женщин, которые днями напролет рассказывали мне, как по ночам из воинских частей вывозят на машинах без номеров солдат, истерзанных отнюдь не врагами, а старшими по званию. Особенно тяжелое впечатление производили их свидетельства о полном бездействии судебной системы. И конца этому не было видно. То, что армия и полиция глубоко коррумпированы, – это в порядке вещей. То, что человеческая жизнь ничего не стоит, – это в российских традициях. Но наглость и жестокость представителей власти, у которых простые люди рискуют потребовать отчета, их уверенность в полной безнаказанности – вот что больше всего возмущало солдатских матерей, родителей детей, погибших во время штурма школы в Беслане, родственников жертв в театральном центре на Дубровке.

Вспомните, что произошло в октябре 2002 года. Все мировые телеканалы в течение трех дней показывали только это. Публика с замиранием сердца следила за чеченскими террористами, взявшими в заложники полный зрительный зал, где на сцене играли музыкальную комедию «Норд-Ост». Спецслужбы, отказавшись вести переговоры², решили проблему, запустив в зал отравляющий газ³, от которого пострадали как террористы, так и заложники. И президент Путин горячо поздравил их за проявленную твердость. Количество жертв среди заложников точно не известно, примерная цифра – сто пятьдесят человек. А если близкие погибших задают вопрос, нельзя ли было подумать о невинных жертвах и попытаться действовать по-другому, то их, одетых в знак траура в черное, начинают обвинять чуть ли не в пособничестве террористам. Каждый год они приходят на место событий, чтобы почтить память умерших, и полиция всякий раз зорко следит за тем, как проходят эти, по сути дела, мятежные собрания, хотя запретить их не осмеливается.

Я тоже пошел туда. На площади перед театром собралось две-три сотни человек, вокруг них плотным кольцом стояло столько же омоновцев, в касках, со щитами и тяжелыми дубинками. Пошел дождь. Над зажженными свечами, которые люди держали в руках, обернув каждую бумажным воротничком, чтобы не обжечь пальцы, раскрылись зонты. Всё это напомнило мне пасхальную службу в православной церкви, куда меня водили в детстве. Только вместо икон были плакаты, фотографии и списки погибших. Люди, которые несли эти плакаты и свечи, были сиротами, вдовцами и вдовами, родителями, потерявшими своего ребенка, – словом, теми, для кого нет названия ни в русском языке, ни во французском. За всю церемонию было сказано всего несколько слов, и произнесший их человек с холодным бешенством заметил, что к скорбящим не вышел ни один представитель власти. И это всё: никаких речей, никаких лозунгов, никаких песен. Они просто стояли там, молча, со свечами в руках, изредка тихонько переговариваясь между собой, а вокруг, выставив вперед щиты, плотной стеной выстроились омоновцы. Оглядевшись, я увидел несколько знакомых лиц: кроме участников траурной церемонии, здесь собрался весь скудный мирок оппозиции, с которой я общался всю эту неделю. Сохраняя на лице приличествующее случаю выражение скорби, я обменялся с ними дружеским приветствием.

² Неточность автора. В течение двух суток велись переговоры, в результате которых удалось освободить часть заложников. В числе лиц, проводивших переговоры непосредственно в здании Театрального центра, были подполковник К. И. Васильев, убитый террористами Бараева, а также Иосиф Кобзон, Ирина Хакамада и Григорий Явлинский.

³ Неточность автора. Был применен газ на основе производных фентанила, обладающих анестезирующим действием.

Наверху, на ступенях театрального подъезда, перед закрытыми дверями я заметил силуэт, который показался мне смутно знакомым, но кто это, я вспомнить не смог. Мужчина, одетый в черное пальто, с горящей свечой в руке. Вокруг него собралось несколько человек, с которыми он вполголоса переговаривался. Окруженный людьми, стоя поодаль от остальной толпы и возвышаясь над ней, этот человек привлекал внимание, и мне вдруг явилась странная мысль: он похож на главаря банды, который пришел с приближенными на похороны кого-то из сподвижников. Я видел его профиль, наполовину скрытый поднятым воротником пальто. Высовывался только кончик бородки. Женщина рядом со мной тоже его заметила и сказала своей соседке: «Посмотри, и Эдуард здесь; это хорошо». Словно расслышав ее слова через разделявшее нас пространство, человек в черном пальто повернул голову. Пламя свечи резко высветило его лицо снизу.

И я узнал Лимонова.

2

Сколько же времени я его не видел? Мы познакомились с Лимоновым в начале восьмидесятых, когда он поселился в Париже, в ореоле славы после своего скандального романа «Русский поэт предпочитает больших негров»⁴. В этой книге он рассказывал о жалкой и фееричной жизни, которую вел в Нью-Йорке, эмигрировав из Советского Союза. Редкие грошовые заработки, нищенское существование в убогой гостинице, а то и под открытым небом, беспорядочные половые связи со случайными мужчинами и женщинами, попойки, грабежи, драки. Плавание без руля и ветрил, как у Роберта Де Ниро в «Таксисте», жизненный прорыв в духе Генри Миллера, с которым Лимонова роднит дубленая шкура и невозмутимость каннибала. Эта книга стала событием; ее автор при близком знакомстве тоже не разочаровывал. В те времена мы были уверены, что советские диссиденты – это суровые, плохо одетые бородачи, живущие в крошечных квартирках, набитых книгами и иконами, и ночами напролет ведущие разговоры о спасении мира посредством обращения в православие. И вот перед нами предстал человек обаятельный, лукавый, остроумный, похожий одновременно на загулявшего матроса и на рок-звезду. В ту пору движение панков находилось на пике популярности, а их признанным вождем был Джонни Роттен, лидер рок-группы Sex Pistols, не постеснявшийся обзвать Солженицына старым хрычом. Непривычный облик диссидента новой волны выглядел очень свежо и привлекательно, и Лимонов сразу, с момента своего появления, стал любимцем парижских литературных кругов, где я в то время совершал свои первые робкие шаги. Лимонов не пишет выдумок, он умеет рассказывать только о своей жизни, но его жизнь захватывающе интересна, а стиль повествования прост, конкретен, полностью лишен литературного жеманства и напоминает мускулистую прозу Джека Лондона. Вслед за автобиографическими повестями об эмиграции появляются воспоминания о детских годах, прошедших на харьковской окраине, о полукриминальном отрочестве подростка Савенко и, наконец, о жизни молодого поэта-авангардиста в Москве в эпоху Брежнева. О тех временах и о Советском Союзе Лимонов пишет с ностальгическим чувством, чуть приправленным легкой иронией, представляя «развитой социализм» настоящим раем для ловких авантюристов. Часто случалось, что к концу очередного застолья, когда все вокруг пьяны, кроме него самого, – а пить Лимонов умеет, – он вдруг начинал славословить Сталина, и окружающие относили подобные выходки на счет его любви к провокациям. Он мог, например, появиться в клубе Palace в форме офицера Красной армии. Он публиковался в газете *L'Idiot International*, издававшейся Жан-Эдерном Алье, который хоть и не разделял идей бело-голубых⁵, однако сумел собрать под свои знамена немало ярких антиконформистских умов. Лимонов обожал скандалы и имел невероятный успех у женщин. Его свобода от всяческих условностей и авантюрное прошлое производили сильное впечатление на молодых буржуа, которыми мы были. Лимонов был нашим варваром, нашим пове-сой; мы его обожали.

Но когда рухнул коммунизм, дело начало принимать странный оборот. Радовались все, но только не он; и если Лимонов требовал расстрелять Горбачева, то было видно, что он не шутит. Он начал совершать длительные поездки на Балканы, и мы с ужасом узнали, что там он воюет на стороне сербов, – для нас это было всё равно что связаться с нацистами или убийцами из племени хуту. Его показали в выпуске новостей Би-би-си: он выпускал автоматные очереди в направлении осажденного Сараева под благосклонным взглядом Радована Караджича, лидера

⁴ Под таким названием во Франции вышел роман «Это я – Эдичка».

⁵ Имеются в виду революционные идеи. Автор отсылает к роману Александра Дюма «Белые и Синие» («Les Blancs et les Bleus», 1867), посвященному Великой французской революции и последовавшей за ней диктатуре якобинцев.

боснийских сербов, которого суд признал военным преступником. После этих подвигов Лимонов вернулся в Россию и создал там политическую организацию, присвоив ей красноречивое название: Национал-большевистская партия⁶. Иногда в телерепортажах можно было видеть обритых наголо и одетых в черное молодых людей, которые маршировали по улицам Москвы и в знак приветствия – полуфашистского, полукommунистического – выбрасывали вверх сжатый кулак, выкрикивая лозунги типа «Сталин! Берия! ГУЛАГ!», имея в виду, что этих личностей и эти реалии неплохо бы вернуть. Флаги, которые они несли, напоминали знамена Третьего рейха, только на месте свастики красовались серп и молот. А впереди, бешено жестикулируя, в бейсболке и с мегафоном в руках, шел предводитель этого сборища – тот самый остроумный и обаятельный парень, дружбой с которым всего лишь несколько лет назад мы все так гордились! Это было так странно, словно вы вдруг узнали, что ваш старый товарищ по лицу стал главарем бандитской шайки или погиб во время террористического акта. Вы всё время о нем думаете, перебираете в голове воспоминания, стараетесь представить себе все обстоятельства и тайные причины, под действием которых ваши жизни разошлись так далеко. В 2001 году стало известно, что Лимонова арестовали, судили и посадили в тюрьму по какому-то не очень внятному обвинению: речь вроде бы шла о незаконной торговле оружием и попытке государственного переворота в Казахстане. Излишне говорить, что в Париже нашлось немного охотников подписывать петиции в его защиту.

Я не знал, что он вышел из тюрьмы, и был изумлен, встретив его здесь. Теперь он скорее напоминал интеллектуала, чем рокера, но окружавшая его аура была всё та же: мощная и притягательная энергетика, осязаемая даже на расстоянии. Я раздумывал, не присоединиться ли к тем, кого растрогало присутствие Лимонова на церемонии и кто захотел выразить ему свое уважение. Но, в какой-то момент случайно встретившись с ним взглядом, я решил, что он меня не узнал. И поскольку мне, в сущности, нечего было ему сказать, от своей затеи я отказался.

Взволнованный неожиданной встречей, я вернулся в гостиницу, где меня ждал еще один сюрприз. Просматривая сборник статей Анны Политковской, я обнаружил, что пару лет назад она присутствовала на процессе над тридцатью девятью членами Национал-большевистской партии, которых судили за то, что они с криками «Путин, уходи!» ворвались в здание президентской Администрации и учинили там погром. За свои действия они рисковали получить большие сроки, и Политковская открыто и недвусмысленно встала на их защиту: по ее мнению, поступки этих мужественных и цельных молодых людей позволяли надеяться, что нравственные ценности в стране еще не утрачены.

Я был поражен. Мне казалось, что с Лимоновым всё ясно, и двух мнений тут быть не может: он – омерзительный фашист, вставший во главе банды *скинхедов*. И вот выясняется, что женщина, которую после ее гибели все дружно причислили к лику святых, говорила о них и о нем как о героических борцах за демократию в России. В интернете – та же песня, но уже от Елены Боннэр. Елена Боннэр, вдова Андрея Сахарова! Ее муж – великий ученый, великий диссидент, великий моральный авторитет, обладатель Нобелевской премии мира. И тем не менее Боннэр, как и Политковская, высоко оценивала *нацболов* – так в России называют членов лимоновской партии. Возможно, говорила она, им стоило бы поменять название своей партии, оно многим кажется неблагозвучным, но это потрясающие ребята.

Несколько месяцев спустя я узнал, что под названием «Другая Россия» формируется политическая коалиция, куда входят Гарри Каспаров, Михаил Касьянов и Эдуард Лимонов – соответственно один из самых великих шахматистов всех времен, бывший путинский премьер-министр и писатель, по нашим оценкам, нерукопожатный. Вот уж действительно чудотройка! Было совершенно очевидно, что что-то изменилось – возможно, даже не сам Лимонов,

⁶ Запрещена в России.

а его место на политической сцене. Как раз в эту пору Патрик де Сент-Экзюпери, с которым я познакомился, когда он был московским корреспондентом *Figaro*, собрался издавать сборник репортажей. И когда он спросил, нет ли у меня интересной темы для первого номера, я безо всяких раздумий ответил: Лимонов. Патрик вытаращил глаза: «Твой Лимонов – просто мелкая шпана». – «Не уверен, – возразил я. – Здесь надо разобраться». – «Ладно, – согласился Патрик, не ввязываясь в дискуссию. – Разбирайся».

Мне понадобилось некоторое время, чтобы напасть на его след – найти через Сашу Иванова, московского издателя, номер его телефона. А получив номер, я потратил еще какое-то время на то, чтобы его набрать. Я не знал, в каком тоне вести разговор; определиться в этом было важно прежде всего для меня самого: в какой роли выступить – старого приятеля или дотошного интервьюера? Говорить по-русски или по-французски? Обращаться к нему на «ты» или на «вы»? Хорошо помню свои сомнения на этот счет, но по странной случайности я напрочь забыл первую фразу, которую произнес, когда позвонил, а он взял трубку после первого же гудка. Скорее всего, я просто назвал свое имя, и он без малейшей заминки ответил: «А, Эммануэль, как поживаешь?» – «Нормально», – пробормотал я и смешался: мы не были близко знакомы, не виделись пятнадцать лет, и я готовился к тому, что мне придется напоминать, кто я такой. Он сказал: «Вы приходили на церемонию на Дубровке в прошлом году, ведь так?»

И тут я растерялся окончательно. Стоя на расстоянии ста метров, я долго его рассматривал, прежде чем узнать; потом взгляды наши встретились, но лишь на мгновение, и он ничем, абсолютно ничем не дал понять, что узнал меня тоже. Позже, оправившись от изумления, я подумал, что Саша Иванов, наш общий друг-издатель, мог предупредить его о моем звонке, но я не рассказывал Саше о своем походе на Дубровку. Тайна так и осталась неразгаданной. Впоследствии я понял, что никакой тайны тут нет, просто у него потрясающая память и не менее потрясающая способность контролировать свои рефлексy. Я сказал, что хочу сделать о нем большой материал, и Лимонов безо всяких уговоров согласился терпеть меня рядом с собой целых две недели. «Если только, – добавил он под конец, – меня снова не посадят».

3

Двое крепких парней с бритыми затылками, одетые в джинсы, черные куртки и грубые ботинки, пришли, чтобы отвести меня к своему лидеру. Мы ехали по Москве на черной «Волге» с тонированными стеклами, и я бы не удивился, если бы мне завязали глаза. Однако нет, мои ангелы-хранители ограничились тем, что оглядели двор дома, к которому мы подъехали, проверили подъезд и лестничную площадку, куда выходила дверь небольшой темноватой квартирki, производившей впечатление нежилой. В квартире, покуривая, коротали время еще два бритых затылка. У Эдуарда, рассказывает мне один из них, в Москве есть три-четыре адреса, где он ночует, как правило не задерживаясь в одном месте по два дня подряд. Он никогда не составляет планов и расписаний на будущее и шагу не делает без своих охранников – членов НБП.

Пока я жду, мне в голову приходит, что мой репортаж начинается неплохо: конспиративная квартира, жизнь в подполье – романтично так, что дальше некуда. Только я до сих пор не понял, с какой версией этой романтики мне предстоит иметь дело: терроризм или сопротивление, Карлос⁷ или Жан Мулен⁸? Правда, пока игра не сыграна и историки не договорились о том, какую версию считать официальной, возможные варианты трудно отличить друг от друга. Кроме того, мне интересно, чего ждет от меня сам Лимонов. Не исключено, что, неприятно удивленный тем, что писали о нем некоторые западные журналисты, он никому не доверяет и рассчитывает на некую реабилитацию с моей помощью. Что до меня самого, то я ничего не знаю. Нечасто бывает, что, готовясь к встрече с каким-то человеком и собираясь о нем писать, ты до такой степени сбит с толку.

В конце концов меня вводят в скудно обставленный кабинет; посреди комнаты стоит Лимонов, одетый в джинсы и черный свитер. Без улыбки протягивает мне руку. Держится настороженно. В Париже мы были на «ты», но по телефону он сказал мне «вы», на том мы и останавливаемся. Несмотря на отсутствие практики, он лучше говорит по-французски, чем я по-русски, – пусть будет французский. Раньше он занимался гимнастикой с гантелями, отжимался – должно быть, он делает это и сейчас: в свои шестьдесят пять он по-прежнему строен: плоский живот, юношеский силуэт, гладкая, матовая – как у азиата – кожа без морщин. Но теперь у него усы и острая бородка с проседью, что делает его немного похожим на постаревшего д'Артаньяна из «Двадцати лет спустя» и гораздо больше – на большевика-комиссара, в особенности на Троцкого. Если не считать того, что Троцкий никогда не занимался бодибилдингом.

В самолете я перечитал одну из его лучших книг – «Дневник неудачника», и на обложке была следующая аннотация: «Если бы Чарльз Мэнсон или Ли Харви Освальд вели дневник, у них получилось бы что-нибудь в этом роде». Несколько пассажей из этой книги я выписал себе в блокнот. Ну вот, к примеру: «Я мечтаю о диком восстании, я ношу разино-пугачевского типа восстание в сердце – потому не быть мне Набоковым, не собирать мне с оголенными старческими волосатыми англоязычными ногами бабочек на лугу... А вдруг миллион заработаю – оружия на эти деньги куплю и подниму в какой-либо стране восстание». Это был сценарий, который он сочинял в тридцать лет, очутившись на улицах Нью-Йорка эмигрантом без гроша в кармане; прошло тридцать лет – и вот сценарий становится фильмом. И в этом фильме у

⁷ Имеется в виду Карлос Шакал (настоящее имя Ильич Рамирес Санчес; род. 12 октября 1949 года) – международный террорист, действовавший в интересах «Народного фронта освобождения Палестины», «Красных бригад», колумбийской организации М-19, японской «Красной Армии», ЭТА, ООП, НФО Турции и др. В настоящее время отбывает пожизненный срок во французской тюрьме.

⁸ Жан Мулен (1899–1943) – герой французского Сопротивления времен Второй мировой войны.

него именно та роль, о которой он мечтал: профессиональный революционер, технолог партизанской войны в городе, Ленин в бронированном вагоне.

Это я ему и сказал. В ответ Лимонов засмеялся – сухим, неприязненным смешком, шумно, через ноздри, выпустив воздух. «Это правда, – признал он. – Я свою жизненную программу выполнил». Но тут же уточнил: время вооруженных мятежей уже прошло. Он грезит теперь не о бурных восстаниях, а скорее об оранжевой революции, вроде той, что недавно произошла в Украине. Мирная демократическая революция – это то, чего Кремль, на его взгляд, боится больше всего и постарается задушить в самом зародыше. Потому и приходится вести себя так осторожно. Несколько лет назад на него напали и жестоко избили бейсбольными битами. Недавно на него было совершено еще одно покушение. В списке «врагов России» его имя фигурирует в первых строках, а это означает, что он кандидат на отстрел и спецслужбы могут натравить на него народных мстителей, сообщив им его адрес и номер телефона. В этом же списке была и Политковская, застреленная из помпового ружья, и бывший офицер ФСБ Литвиненко, отравленный полонием после того, как обвинил своих бывших коллег в преступной деятельности. Там фигурирует и миллиардер Ходорковский, отбывающий срок в Сибири за то, что попытался вмешаться в политику. Следующим за Ходорковским в этом списке стоит он. Лимонов.

На другой день он проводит совместную пресс-конференцию с Каспаровым. В зале я вижу многих из тех, с кем довелось общаться, когда я готовил материал о Политковской, но, кроме того, собралась целая толпа журналистов, преимущественно иностранных. Некоторые очень возбуждены, к примеру съемочная группа из Швеции, которая делает не короткий сюжет, а целый документальный фильм – три месяца съемок – о предполагаемой победной поступи движения «Другая Россия». Похоже, наивные шведы всерьез верят в эту радужную перспективу и рассчитывают дорого продать свой фильм прокатчикам во всем мире, когда Каспаров и Лимонов придут к власти.

Могучая статья, горячая улыбка, привлекательная внешность армянского еврея: когда они вдвоем поднимаются на сцену, бывший чемпион по шахматам выглядит гораздо внушительнее Лимонова. А тот, с его бородкой и очками, кажется, обречен играть роль хладнокровного стратега при вожде-харизматике. Каспаров сразу же берет быка за рога, объясняя, почему президентские выборы, которые состоятся в 2008 году, дают оппозиции исторический шанс. Заканчивается второй президентский срок Путина, по Конституции баллотироваться на третий он не имеет права, и поскольку политическую поляну вокруг себя он вытоптал, то достойных кандидатов со стороны власти быть не может. Следовательно, у демократической оппозиции появляется шанс. На прессу надели намордник, поэтому никто не знает, до какой степени русским опостытели олигархи, коррупция, всевластие ФСБ. Но он, Каспаров, это знает. Он красноречив и убедителен, его голосовые модуляции приятны уху, и я начинаю думать, что шведы, возможно, и правы. Хочется верить, что присутствуешь при событии неординарном, что наблюдаешь нечто, подобное рождению польской «Солидарности». Но в этот момент мой сосед, английский журналист, усмехается и, дохнув на меня запахом джина, шепчет: «*Чушь собачья!* Русские обожают Путина и не поймут, почему эта дурацкая Конституция не дает им возможности избрать в третий раз такого хорошего президента. К тому же не забывайте одну штуку: Конституция запрещает избираться в третий раз *подряд*. Так ведь можно выставить на один срок вместо себя какую-нибудь карманную фигуру, чтобы стерегла кресло, а через четыре года вернуться. Вот посмотрите, так и будет».

Эта реплика мгновенно остужает мой энтузиазм. Истина оказывается на стороне людей трезвых, тех, кто всё понимает и не дает запудрить себе мозги. Она на стороне моего пронизательного друга Павла, который убежден, что вся история с демократической оппозицией в России – нечто вроде попытки провести рокировку, играя в шашки: этот маневр правилами не

предусмотрен и не работает никогда. Каспаров, который минуту назад казался мне почти русским Валенсой, становится похожим на Франсуа Байру⁹. Его речь начинает казаться чересчур высокопарной и путаной, а мы с соседом-англичанином превращаемся в школьников-шалопаяв, усевшихся в дальнем углу класса, чтобы рассматривать под партой неприличные картинки. Я показываю ему книгу Лимонова, которую только что купил. Издана она, разумеется, в Сербии, называется «Анатомия героя» и содержит несколько превосходных фотографий, изображающих упомянутого героя, Лимонова himself, позирующего в камуфляжной форме рядом с сербским ополченцем Арканом, с Жаном-Мари Ле Пенем, с русским популистом Жириновским, с солдатом удачи Бобом Денаром и некоторыми другими гуманистами. «Чертов фашист...» – комментирует англичанин.

Мы оба одновременно поднимаем глаза на Лимонова. Он сидит рядом с Каспаровым, чуть откинувшись назад, и слушает, как тот жалуется на преследования со стороны властей. При этом на лице у него нет и следа того нетерпения, какое обычно читается на лицах политиков на митинге: дожидаться момента, когда оратор замолчит, чтобы начать наконец говорить самому. Он сидит, выпрямив спину, спокойный и внимательный, как монах дзен-буддист во время молитвы. Эмоциональная речь Каспарова начинает восприниматься как посторонний шум: теперь я не могу оторвать глаз от лица Лимонова, и чем пристальнее в него всматриваюсь, тем отчетливее понимаю, что не имею ни малейшего представления, о чем он думает. Действительно ли он верит в оранжевую революцию? Или его, бешеного пса, человека, живущего по собственным законам, просто забавляет изображать из себя правоверного демократа среди бывших диссидентов и борцов за права человека, которых он всю жизнь считал наивными глупцами? И ему доставляет удовольствие чувствовать себя волком, попавшим в овчарню?

Нахожу в блокноте еще один пассаж из «Дневника неудачника»: «Да, я принял сторону зла – маленьких газеток, сделанных на ксероксе листовок, движений и партий, которые не имеют никаких шансов. Никаких. Я люблю политические собрания, на которые приходят несколько человек, какофоническую музыку неумелых музыкантов, у которых на лице написано, что они хронические неудачники. Играйте, играйте, милые... И я ненавижу симфонические оркестры, балет, я бы вырезал всех виолончелистов и скрипачей, если б когда пришел к власти».

Я хотел было перевести этот кусок английскому журналисту, но в этом не было нужды, потому что нам обоим пришла в голову одна и та же мысль. Он наклонился ко мне и сказал, на этот раз совершенно серьезно: «Тем, кто рядом с ним, надо быть начеку. Если он когда-нибудь дорвется до власти, то в первую очередь перестреляет их всех».

Статистической ценности мои наблюдения, конечно, не представляют, и всё же: готовя репортаж о Лимонове, я поговорил по меньшей мере с тремя десятками человек. Начиная от случайных собеседников, которые подвозили меня в своей машине (в Москве практически все автовладельцы подрабатывают извозом), кончая друзьями, которых, хотя и с некоторой оговоркой, можно назвать русской богемной буржуазией, – артистами, журналистами, издателями, покупающими мебель в ИКЕА и читающими русскую версию журнала *Elle*. Это всё люди скептического ума, и тем не менее ни от одного я не услышал о Лимонове ничего плохого. Никто не произнес слова «фашизм», а когда я настаивал: «Ну а как же эти флаги, эти лозунги...» – мои собеседники пожимали плечами, видимо находя меня чересчур наивным и впечатлительным. Они реагировали так, словно мне предстояло брать интервью одновременно у Лу Рида, Уэльбека и Кон-Бендита¹⁰: две недели с Лимоновым, как тебе повезло! Отсюда совершенно не

⁹ Франсуа Байру (род. 1951) – французский политик и писатель, председатель Союза за французскую демократию (UDF) и кандидат на пост президента Франции на президентских выборах 2007 года.

¹⁰ Даниэль Кон-Бендит (род. 1945) – французский и немецкий политик, в молодости один из лидеров парижских протестов мая 1968 года, позднее член партии зеленых и депутат Европарламента.

следует, что все эти вполне разумные люди были готовы голосовать за него, – во всяком случае, надеюсь, не больше, чем французы за Уэльбека, если бы им представился такой случай. Просто этот скандалист им нравился, они восхищались его талантом и смелостью, и газеты, которые о нем много пишут, это знают. Короче говоря, он – звезда.

Я иду вместе с ним на вечеринку радиостанции «Эхо Москвы» – одно из самых заметных светских мероприятий сезона. Он приходит туда в сопровождении охранников, а также своей новой жены Екатерины Волковой, молодой актрисы, снявшейся в популярном телевизионном сериале. В политико-журналистском бомонде, который собрался там в тот вечер, они, казалось, знали всех: никого так громко не приветствовали и так много не фотографировали, как эту пару. Мне хотелось, чтобы после вечеринки Лимонов предложил мне поужинать с ними, но он этого не сделал. Он не пригласил меня и в квартиру, где живет Екатерина с их маленьким ребенком (в тот же вечер я узнал, что у них восьмимесячный сын). Очень жаль: мне хотелось бы увидеть место, где воин отдыхает от мытарств подпольного существования. Мне хотелось бы понаблюдать за ним в непривычной для него роли отца семейства. И особенно интересно было поближе познакомиться с Екатериной. Она хороша собой и демонстрирует ту манеру светского поведения, которая, как я полагал, свойственна лишь американским актрисам: охотно смеется, восхищается всем, что вы говорите, и мгновенно забывает о вас, если рядом появляется более важная персона. Мне всё же удалось поболтать с ней минут пять возле буфета, и этого ей вполне хватило, чтобы с неподражаемым простодушием сообщить, что до встречи с Эдуардом она не интересовалась политикой, а вот теперь поняла: Россия – тоталитарное государство, поэтому бороться за свободу, участвовать в маршах несогласных необходимо. Что она и проделывает с той же серьезностью, с какой посещает семинары по йоге. На следующий день я прочел интервью с ней в журнале для женщин: Екатерина дает советы, как быть красивой, и томно позирует в обнимку со своим мужем-оппозиционером. Но больше всего меня озадачило то, как она отвечала на вопросы о политике: она повторяла то же самое, что говорила мне, и безо всякой опаски нападала на Путина. У нас так нападать на Саркози могла бы себе позволить, например, актриса, участвующая в движении в защиту прав нелегальных мигрантов. Я пытаюсь представить, чем бы всё обернулось, если бы нечто подобное было напечатано во времена Сталина или хотя бы Брежнева, хотя представить такое трудно. И прихожу к выводу, что путинский тоталитаризм не так уж страшен: бывает много хуже.

4

Я никак не могу совместить в своем сознании эти два образа: писатель-неформал, с которым я раньше был знаком, и серьезный политик, знаменитость, которому журналы посвящают восхищенные статьи в рубрике «Персона». Мне приходит в голову, что, возможно, я смогу во всем разобраться, если поговорю с членами его партии – рядовыми нацболами. Бритые затылки, которые каждый день возили меня в черной «Волге» к своему лидеру и поначалу внушали мне некоторую робость, оказались симпатичными ребятами, но были не очень разговорчивы. Или я не сумел найти к ним подход. Выходя после совместной с Каспаровым пресс-конференции, я подошел к одной девушке – она мне просто понравилась – и спросил, не журналистка ли она. Оказалось, что я угадал, к тому же выяснилось, что она работает для интернет-сайта Национал-большевистской партии. Очаровательная, скромная, хорошо одетая девушка оказалась нацболом.

Через новую знакомую я познакомился с еще одним членом партии; он тоже оказался симпатичным, хотя и был засекреченным руководителем московского отделения НБП. Длинные волосы, собранные в хвост, открытое лицо, дружелюбный взгляд – парень совсем не был похож на фашика, скорее на активиста движения антиглобалистов или левого неформала вроде сподвижников группы «Тарнак»¹¹ или членов «Фракции Красной армии» Баадера¹². У него дома, в маленькой квартире на окраине города, есть диски Ману Чао, а по стенам развешаны картины в стиле Жан-Мишеля Баския, написанные его женой.

«А жена поддерживает твою политическую борьбу?» – интересуюсь я. «Да, конечно, – уверяет он, – только она сейчас в тюрьме. Она была среди тех тридцати девяти членов НБП, которых судили в 2005 году. Тот процесс, на котором присутствовала Политковская».

Парень произнес это с широкой улыбкой, явно гордясь женой. А если он сам находится на свободе, так это не его вина, просто, как он считает, «ему не повезло». Но это не страшно: может быть, повезет в следующий раз.

Вместе с ним мы отправляемся на заседание Таганского районного суда, где как раз сейчас идет процесс над несколькими нацболами. Маленький, тесный зал, обвиняемые сидят в клетке в наручниках, на трех скамейках для публики их друзья, всё сплошь товарищи по партии. На скамье подсудимых семеро, выглядят очень по-разному: от студента с бородкой до мусульманина в толстовке с надписью «Working class hero»¹³. Среди них одна женщина, чуть постарше остальных, бледная, со спутанными черными волосами, довольно красивая, нервно катает в пальцах сигарету – тип преподавательницы истории, симпатизирующей левым. Все обвиняются в *хулиганстве* – иными словами, в драке с юными путинистами. С обеих сторон – легкие ушибы и порезы. Когда обвиняемым задают вопросы, они объясняют, что путинисты начали первыми, но их почему-то никто не судит, что данный процесс – чисто политический. И что за свои убеждения приходится платить: никаких проблем, они заплатят. Защита подчеркивает, что обвиняемые – никакие не хулиганы, что они – серьезные ребята, студенты, хорошо учатся, что предварительное заключение длится уже год и что этого вполне достаточно. Судью приведенные аргументы не убеждают. Объявляется вердикт: по два года каждому. Охрана уводит осужденных, они смеются, поднимают над головой сжатый кулак и выкрикивают: «До последней капли крови!» Товарищи смотрят на них с завистью: они – герои.

¹¹ Леворадикальная группа, арестованная в 2008 году в ходе операции в поселке Тарнак (департамент Коррез). Обвинялась в организации терактов на железных дорогах Франции.

¹² «Фракция Красной армии» – немецкая леворадикальная террористическая организация, существовавшая в 1968–1998 годах. Андреас Баадер (1943–1977) – один из ее основателей, террорист, по официальной версии покончивший с собой в тюрьме.

¹³ «Герой рабочего класса» (англ.) – цитата из песни Джона Леннона.

Молодых людей, бунтующих против цинизма, который стал в России настоящей религией, в стране тысячи, может быть, даже десятки тысяч, и Лимонов – их настоящее божество. Человек, который годится им в отцы, а самым юным – даже и в дедушки; его жизнь полна приключений, а в двадцать лет об этом мечтает каждый. Для них он – живая легенда, и стержень этой легенды, то, что заставляет их ему подражать, – cool героизм, который он демонстрировал, находясь в заключении. Он сидел в Лефортово, в тюрьме КГБ, а это заведение, если верить тюремным преданиям, будет покруче Алькатраса. Зэк Лимонов прошел через лагерь строгого режима и выстоял, не сломался. Находясь в заключении, он не только сумел написать семь или восемь книг, но и оказывал реальную поддержку товарищам по камере, для которых был не просто суперавторитетом, а почти святым. В день, когда он выходил на свободу, охранники и заключенные вырывали друг у друга его вещи, чтобы помочь ему их нести.

Когда я спросил у самого Лимонова, как это было – его жизнь за решеткой, он сначала ограничился обычным «нормально», что по-русски означает «окей», «никаких проблем», «ничего особенного». И лишь позже рассказал мне одну маленькую историю.

Из Лефортово его этапировали в лагерь в Энгельсе – маленьком городке на Волге. Это было образцовое учреждение, новенькое, с иголки, плод творческих поисков амбициозных архитекторов, которое охотно показывали заезжим визитерам, дабы иностранцы сделали лестные выводы о состоянии российской пенитенциарной системы. Сами же зэки называли лагерь в Энгельсе «евроГУЛАГом», и Лимонов уверяет, что архитектурные изыски отнюдь не сделали его более приятным для обитания, чем классические бараки, окруженные колючей проволокой. Скорее наоборот. Любопытная деталь: раковины в умывальной комнате, под которыми проходит сливная труба, были сделаны из матированной стали; это выглядело очень элегантно и напоминало элитную гостиницу, оборудованную известным дизайнером Филиппом Старком. В такую в конце восьмидесятых, во время последней поездки в Нью-Йорк, Лимонова поселил его американский издатель.

Эта мысль развеселила нашего героя. Такое сравнение не пришло бы в голову ни его сокамерникам, ни постояльцам элегантной нью-йоркской гостиницы. И он задумался о том, много ли на белом свете существует таких людей, как он, Эдуард Лимонов, чей жизненный опыт вместил бы целую вселенную – от заключенного-уголовника в лагере строгого режима на Волге до модного писателя, привычного к интерьерам от Филиппа Старка. Нет, пришел он к выводу, скорее всего, таких людей немного, и душа его преисполнилась гордостью, которая мне понятна. Именно это обстоятельство и натолкнуло меня на мысль написать о нем книгу.

Я живу в спокойной, слабеющей и стареющей стране с низкой социальной мобильностью. Рожденный в состоятельной буржуазной семье в Шестнадцатом округе Парижа, я перекочевал оттуда в богемную среду Десятого округа. Мой отец – высокопоставленный чиновник, мать – известный ученый-историк, я пишу книги и сценарии, а моя жена – журналистка. У родителей дом на острове Ре, на западном побережье Франции, где они проводят отпуск. Мне бы тоже хотелось иметь дом, но я бы предпочел Гард на юге страны. Я не считаю, что это плохо или что такая судьба обрекает на скудость жизненного опыта, но с точки зрения как географической, так и социокультурной нельзя сказать, что жизнь оторвала меня от моих корней. И то же самое я могу сказать в отношении большинства моих друзей.

Лимонов же успел побывать харьковской шпаной, кумиром *андеграунда*, бродягой, а позже слугой в доме миллиардера на Манхэттене, модным писателем в Париже, солдатом удачи на Балканах, а теперь, на бескрайних просторах постсоветского бардака, стал немолодым харизматичным вождем партии, состоящей из юных бунтарей. Сам он воспринимает себя как героя, другие же могут считать его негодяем; приводить здесь свое личное мнение я воздер-

жусь. Анекдот об умывальниках в Энгельсе показался мне забавным, не более того, однако я подумал, что в романтической и полной опасностей жизни моего героя зашифровано какое-то послание. Причем оно касается не только его самого или современной России, но также и нашей общей истории после Второй мировой войны.

Но в чем же его смысл? Я начинаю эту книгу, чтобы это понять.

I

Украина, 1943-1967

1

История начинается весной 1942 года в приволжском городке, до революции называвшемся Растяпино, а с 1929 года носящем имя Дзержинск – в честь Феликса Дзержинского, входившего в когорту первых большевиков и создавшего в стране политическую полицию, также неоднократно менявшую свое название: ЧК, ГПУ, НКВД, КГБ – вплоть до нынешней ФСБ. В книге это учреждение будет появляться под тремя последними из своих угрожающих имен, хотя в России, помимо перечисленных пяти, имеет хождение еще одно, гораздо более мрачное, – *органы*. Война в самом разгаре, тяжелая промышленность демонтирована и с прифронтовых территорий перебазирована в тыл. Так в Дзержинск попадает завод по производству оружия, на котором занято всё население города; производство контролируют войска НКВД. Те времена были героическими и суровыми: рабочий, опоздавший в цех на пять минут, идет под трибунал, где суд вершат чекисты. Они же, в случае необходимости, и казнят, пуская приговоренному пулю в затылок. Однажды ночью, когда мессершмитты, проводившие разведку в низовьях Волги, сбросили на город несколько бомб, один из охранявших завод солдат освещал своим фонариком дорогу молодой работнице. Она вышла из цеха слишком поздно и бегом бежала в убежище. Девушка поскальзывается и хватается за плечо солдата, чтобы не упасть. Он видит татуировку у нее на запястье. В темноте, разрываемой сполохами пожара, их лица сближаются. А губы соприкасаются.

Солдата звали Вениамин Савенко, ему было двадцать три года. Он родился в деревне, в украинской семье. Будучи умелым электриком, был завербован НКВД, куда отовсюду собирались лучшие кадры. Поэтому, когда началась война, парень попал не на фронт, как большинство его ровесников, а в тыл – на охрану военного завода. Он служил далеко от родных мест, что в Советском Союзе являлось скорее правилом, чем исключением: депортации, ссылки, массовое переселение граждан; людей бесконечно перетасовывают; практически ни у кого нет шансов жить и умереть там, где родился.

Рая Зыбина – уроженка города Горький, бывшего Нижнего Новгорода, где ее отец служил директором ресторана. В СССР невозможно было ни владеть рестораном, ни управлять им, зато можно было стать его директором. Вообще собственное дело нельзя было создать с нуля или купить, но тебя могли назначить на какой-нибудь пост, а пост директора ресторана – отнюдь не худший. К несчастью, отца Раю с этого места уволили за растрату, отправили в штрафной батальон, и он попал на фронт под Ленинградом, где и погиб. Из-за отца на семью легло пятно, а по тем временам и в той стране это могло стоить жизни. То, что сын не должен расплачиваться за грехи отца, нам кажется одним из базовых принципов правосудия, но в советской реальности этот принцип не существовал и на него нельзя было ссылаться даже теоретически. Дети *троцкистов*, кулаков, выходцы из привилегированных классов царского режима были обречены на бесправное существование: им отказывали в приеме в пионеры, их не брали в университеты, не призывали в армию, не принимали в партию. Единственный шанс избежать такой судьбы – отречься от своих родных и выказывать как можно больше рвения и послушания. И поскольку рвение и послушание, по сути, означали разоблачение родителей, то лучших помощников, чем люди с подпорченной биографией, органам было не найти. Возможно, в случае с отцом Раю ситуацию несколько смягчило то обстоятельство, что он сложил голову на поле боя. Так или иначе, но факт остается фактом: и Зыбины, и Савенко пережили

тридцатые годы – период Большого террора – без потерь. Правда, эти люди были слишком мелкой сошкой, что, возможно, сыграло свою роль. Но такое везение не избавило девушку от стыда за мошенничество отца; стеснялась она и татуировки, которую сделала, когда училась в техникуме. Позже Рая пыталась удалить ее соляной кислотой, потому что ей неловко было надевать платья с короткими рукавами; кроме того, как жена офицера, она должна была выглядеть прилично.

Беременность Раи почти день в день совпала со временем осады Сталинграда. Зачатый в тяжелейшие дни мая 1942 года, Эдуард родился 22 февраля 1943 года, через двадцать дней после капитуляции шестой армии Германского рейха, обозначившей перелом в войне. Ему потом часто будут говорить, что он – дитя победы, а мог бы родиться рабом, если бы множество мужчин и женщин, его соотечественников, не пожертвовали своими жизнями, чтобы выгнать врага из города, носившего имя Сталина. Позже о Сталине станут говорить много плохого, называть его тираном, с удовольствием обличать насаждавшийся им террор, но для людей поколения Эдуарда он останется верховным вождем народов СССР в самый трагический момент истории страны, победителем нацизма, человеком, способным на такой, например, поступок, достойный жизнеописаний Плутарха. Немцы захватили в плен его сына, лейтенанта Якова Джугашвили; русские под Сталинградом захватили в плен фельдмаршала Паулюса, одного из самых крупных военачальников рейха. Но когда высшее командование немецких войск предложило обмен, Сталин высокомерно отрезал, что фельдмаршалов на лейтенантов он не меняет. Яков покончил с собой в лагере для военнопленных, бросившись на колючую проволоку, по которой был пропущен электрический ток.

Из раннего детства Эдуарду запомнились две истории. Первая, трогательная, очень нравилась его отцу: она изображает младенца, спящего, вместо колыбели, в ящике из-под снарядов и с ангельской улыбкой сосущего вместо соски селедочный хвост. «Молодец! – одобряет Вениамин. – Правильный пацан! Нигде не пропадет!»

Вторая история не такая милая; ее рассказала Рая. Однажды авиационный налет застал ее на улице: она шла, неся ребенка на спине. Вместе с десятком прохожих Рая спряталась в подвале; укрывшиеся там люди были напуганы и безразличны. Пол и стены содрогались от взрывов, и сидевшие в подвале пытались по звуку определить, куда падают бомбы и какие дома будут разрушены. Маленький Эдуард начал плакать, чем привлек внимание, а потом и гнев одного из мужчин. Тот стал объяснять, что у фрицев есть ультрасовременная техника, которая позволяет обнаруживать живые мишени, что эти приборы реагируют даже на самый тихий звук и, если ребенок не перестанет плакать, их всех здесь убьют. Этот тип довел людей до такого состояния, что они выкинули Раю с ребенком на улицу, и ей пришлось под бомбами искать другое убежище. Вне себя от негодования, она внушала себе и сыну, что все разговоры о солидарности, о братстве – не более чем пустые рассказы и верить им нельзя. «Правда заключается в том – помни, Эдичка, – что люди трусливы и подлы, и они убьют тебя, если ты не успеешь ударить первым».

2

После войны города больше не называют городами, теперь это «населенные пункты», и молодая семья Савенко по прихоти начальства, которое никогда не учитывает желания служащего, мыкается по баракам и казармам в разных населенных пунктах на Волге, лишь в феврале 1947 года получив возможность окончательно пустить корни на Украине, в Харькове. Харьков – крупный промышленный и транспортный центр, чем и объясняется ожесточенная борьба за город, развернувшаяся во время войны: его брали, сдавали и снова брали то те, то другие войска, попутно истребляя мирное население и в конце концов превратив в развалины сам город. Здание из бетона на улице Красноармейской, построенное в конструктивистском духе, стало домом для семей офицеров НКВД – «ответственных работников», как их называли. Из его окон видно то, что до войны было величественным зданием городского вокзала, а теперь представляет собой лишь груды кирпича, камней и обломков металла, окруженные полосой зелени, куда детям ходить запрещено: в этих зарослях, помимо трупов немецких солдат, валялось немало неразорвавшихся мин и гранат. Одной из них оторвало руку маленькому мальчику. Этот пример не охладил пыл компании уличных мальчишек, к которой принадлежал и маленький Эдуард: они продолжали лазить по кустам в поисках патронов, извлекали из них порох и сыпали его на трамвайные рельсы. Когда проходил трамвай, раздавался треск, из-под колес вырывались фонтанчики искр, а однажды вагон просто сошел с рельсов – об этом происшествии ходили легенды. Старшие ребята в сумерках любят рассказывать страшные истории о мертвых фрицах, которые бродят по кустам, подкарауливая неосторожных прохожих. Или о том, как в столовых в мисках с супом находят отрубленные детские пальцы. Или истории о людоедах и о торговле человеческим мясом. В то время всех постоянно мучил голод, питались только хлебом, картошкой, но чаще всего гречневой кашей, которую обычно едят в бедных русских семьях. А иногда и в состоятельных парижских, как в моей, например: я горжусь тем, что умею ее готовить. Колбаса – это деликатес, на столе она появляется редко, а Эдуард ее обожает и мечтает, что, когда вырастет, станет колбасником. Вокруг нет ни собак, ни кошек, ни других домашних животных – их бы съели. Зато крыс огромное количество. Двадцать миллионов русских погибли на войне, и еще столько же осталось без крыши над головой. Многие дети лишились отцов, многие мужчины из числа оставшихся в живых теперь инвалиды. Почти на каждом углу стоит безногий или безрукий калека, а то и вовсе человеческий обрубок. Там же, на улицах, можно видеть беспризорных детей, чьи родители или убиты на фронте, или арестованы как враги народа. Эти дети голодны, они воруют и убивают, они совершенно одичали и бродят по улицам первобытными ордами, пугая прохожих. Они представляют опасность, и поэтому возраст уголовной ответственности, когда преступника можно карать вплоть до высшей меры, понижен до двенадцати лет¹⁴.

Маленький мальчик восхищался своим отцом. Субботними вечерами он любил наблюдать, как отец чистит табельное оружие, как надевает форму, и был просто счастлив, если ему доверяли чистить отцовские сапоги. Засунув внутрь всю руку до самого плеча, он тщательно намазывает сапог ваксой; для каждой операции приготовлены специальные щетки и тряпочки – целый набор. Когда Вениамин уезжает в командировку, они занимают половину чемодана, который его сын с наслаждением упаковывает и распаковывает, мечтая о тех временах, когда у него будет свой такой же. По мнению Эдуарда, настоящими мужчинами могут считаться только военные, а дети, с которыми стоит дружить, – дети военных. А других он и не знал: семьи

¹⁴ Уголовная ответственность с двенадцати лет была введена Постановлением СНК СССР, ЦИК СССР от 7 апреля 1935 года № 3/598, то есть задолго до начала войны. Действовало это Постановление до 1959 года.

старших и младших офицеров, жившие в доме НКВД на Красноармейской улице, ходили друг к другу в гости и презирали гражданских, этих хнычущих, расслабленных существ, имеющих привычку ни с того ни с сего останавливаться посреди тротуара, загоразивая путь солдату, который, в отличие от них, ровно и энергично печатает шаг со скоростью шесть километров в час, – Эдуард решил, что до конца жизни будет ходить только так.

На сон грядущий детям на Красноармейской улице рассказывали истории из прошедшей войны, которую русские называют не Второй мировой, как мы, а Великой Отечественной, и во сне дети видели обсыпанные траншеи, лошадиные трупы, тела мертвых товарищей с оторванной артиллерийским снарядом головой. Эти истории производили на Эдуарда сильное впечатление. Однако он замечал, что, когда мать рассказывала, отец выглядел смущенным. В ее рассказах речь никогда не шла ни о нем, ни о его подвигах: мать говорила только о его дяде, своем брате, а маленький мальчик не осмеливался спросить: «А ты, папа, ведь ты тоже был на войне? Ты там дрался?»

Нет, он не дрался. Большинство мужчин его возраста смотрели смерти в лицо. Война, напишет позже его сын, пробовала их на зуб, как фальшивую монету, но они были из благородного металла высокой пробы и потому не согнулись. Однако про его отца этого сказать нельзя. Он не заглядывал смерти в глаза. Он воевал в тылу, и жена не упускает случая ему об этом напомнить.

Эта суровая, уверенная в себе женщина терпеть не могла всяких нежностей. Во всех спорах маленького сына она всегда становилась на сторону его противников. Если его побили, она не утешала сына, а поздравляла с победой обидчика – для того чтобы он не стал бабой, а вырос настоящим мужчиной. Одно из ранних воспоминаний детства у Эдуарда связано с тем, как он в пять лет тяжело заболел отитом. Из ушей тек гной, несколько недель он ничего не слышал. По дороге в диспансер, куда его водила мать, надо было пересекать железнодорожные пути. Он не слышал, а только видел приближающийся поезд: на огромной скорости, в дыму, на них летело железное чудовище, и мальчиком вдруг овладел панический страх: ему показалось, что мать хочет оставить его на рельсах. И он закричал: «Мамочка! Мамочка! Не бросай меня, пожалуйста, под поезд!» Когда он об этом рассказывал, то особо подчеркивал слово «пожалуйста», словно эта вежливая мольба могла отвратить мать от ее зловещего замысла.

Когда в Париже, спустя тридцать лет, мы с ним познакомились, Эдуард любил повторять, что его отец был чекистом, потому что знал, что людям на Западе это слово внушает священный ужас. Однажды, вдоволь насмеявшись над нашими страхами, он признался: «Да бросьте вы выдумывать себе ужастики, мой отец был обыкновенным жандармом, только и всего».

Только и всего? А так ли?

Сразу после революции, когда шла Гражданская война, Троцкий, командующий Красной армией, был вынужден вербовать в ее ряды кадры из царской армии: профессиональных военных, выходцев из буржуазии, то есть людей, не внушающих особого доверия. Чтобы их контролировать, визировать их приказы, а в случае, если кто-нибудь дрогнет, пустить пулю в затылок, был учрежден корпус политических комиссаров. Так родился принцип двойного администрирования, основанный на идее, что для выполнения любой задачи нужны два человека: один выполняет, а другой следит, чтобы исполнение соответствовало марксистско-ленинской идеологии. С армии этот принцип распространился на всё общество, и по ходу дела власти заметили, что нужен еще и третий человек, чтобы держать под контролем второго, и четвертый, чтобы присматривать за третьим, и так далее.

Вениамин Савенко был маленьким винтиком параноидальной системы. Его работа состояла в том, чтобы наблюдать, контролировать, а потом отчитываться. Но Эдуард прав, когда говорит, что это вовсе не обязательно было сопряжено с жестокостями. Как было сказано, для рядового солдата войск НКВД война заключалась в том, чтобы нести караульную службу под

стенами завода. Дослужившись в мирное время до скромного чина младшего лейтенанта, он исполнял обязанности начклуба, что можно было бы перевести как «хозяин клуба», но в окружавших его реалиях означало лишь то, что он обеспечивал солдатам досуг, устраивая для них, например, вечера с танцами в день Советской армии. Эта должность ему подходила: он играл на гитаре, любил петь и на свой манер был не чужд прекрасного. К примеру, красил ногти прозрачным лаком. Младший лейтенант Савенко был настоящим денди и, как много времени спустя заключил его сын, мог бы иметь жизнь гораздо более интересную, если бы сумел вырваться из-под жесткого ига своей жены.

Клубная жизнь по версии НКВД, на nive которой Вениамин, можно сказать, расцвел, продлилась недолго, поскольку его подсел некий капитан Левитин, ставший, сам того не ведая, заклятым врагом семьи Савенко и ключевой фигурой интимной мифологии Эдуарда: интриган, который работает меньше, но преуспевает лучше, чем вы; его наглость и сопутствующее дуракам везение унижают вас, причем не только в глазах вышестоящих, но и, что гораздо серьезней, в глазах вашей семьи, и в результате ваш маленький сын, полностью разделяя презрение родителей к Левитину, не может, даже против своей воли, не заподозрить, что его отец ничтожен и жалок и что сыну Левитина в конечном счете повезло больше, чем ему. Позже Эдуард разовьет целую теорию о том, что у каждого в жизни есть свой Левитин. Его собственный скоро появится на страницах этой книги в облике поэта Иосифа Бродского.

3

Эдуарду было десять лет, когда умер Сталин; это случилось 5 марта 1953 года. Вся жизнь его родителей и их ровесников пришлось на эпоху его правления. На все вопросы, которые у них возникали, у него был готов ответ – краткий и суровый, не оставлявший места для сомнений. Они вспоминали дни ужаса и скорби после вторжения германских войск в 1941-м и в особенности тот день, когда, прервав наконец затянувшееся молчание, он заговорил со своим народом. Обращаясь к мужчинам и женщинам, он не сказал слово «товарищи» – он назвал их друзьями. «Друзья мои» – эти слова, такие простые и привычные, так согревавшие душу, слова, от которых пахло забытым теплом, в момент ужасной катастрофы произвели на русских такое же действие, как на нас слова де Голля и Черчилля. И вот теперь вся страна надела траур по тому, кто их произнес. В школах плачут дети, потому что не могут отдать свою жизнь, чтобы продлить жизнь ему. Вместе с другими плачет и Эдуард.

В ту пору это славный маленький мальчик, чувствительный, немного болезненный; он любит своего отца, робеет перед матерью; родители им вполне довольны. По решению совета пионерского отряда его имя каждый год заносится на доску почета – таким и должен быть сын офицера. Ребенок много читает. Любимые авторы – Александр Дюма и Жюль Верн, оба очень популярны в Советском Союзе. Любовь к этим книгам – единственное, что роднит наши два детства, в остальном такие разные. Для меня, как и для него, образцом для подражания были мушкетеры и граф Монте-Кристо. Я мечтал охотиться на диких зверей, путешествовать, ходить в плавание – точнее, бить китов, как Нед Ленд, сыгранный Кирком Дугласом в фильме, поставленном по роману «Двадцать тысяч лье под водой». Татуировка, обтянутая тельняшкой широкая грудь – непобедимый и насмешливый Нед Ленд физической мощью превосходил и профессора Аронакса, и даже угрюмого капитана Немо. Все три персонажа привлекали своей харизмой: ученый, бунтарь и вышедший из низов человек действия, и, если бы выбор зависел только от меня, я предпочел бы в качестве образца последнего. Но он зависел не только от меня. Родители рано дали мне понять, что охотник на китов – это не для меня и лучше стать ученым. Я не помню, обсуждался ли в те времена третий вариант – бунтарь, но, так или иначе, у меня была сильная близорукость: попробуйте-ка, надев очки, охотиться с гарпуном на кита!

Если мне не изменяет память, я ношу очки лет с восьми. И Эдуард тоже, но он страдал от этого сильнее, чем я, потому что ему наш общий недостаток закрывал путь не к придуманной карьере, а к самой что ни на есть реальной, к той, для которой он был рожден. Окулист, поставивший диагноз, не оставил родителям никаких надежд: с таким слабым зрением их сыну в армии делать нечего.

Этот диагноз стал для него трагедией. Он всегда мечтал только об одном – стать офицером, и вот ему объявляют, что даже срочная служба в армии не для него и что он обречен стать тем, кого презирал с самого детства, – гражданским.

Скорее всего, так бы всё и вышло, если бы дом для офицеров НКВД не был разрушен, его обитатели не разъехались, а Савенко с семьей не переселили в Салтовский поселок, на отдаленную окраину Харькова. Улицы в Салтовке пересекаются под прямым углом, но городские власти не успели их заасфальтировать, а четырехэтажные кубики из бетона хотя и построены недавно, но выглядят уже как старые бараки; в них живут рабочие трех заводов: «Поршня», турбинного и «Серпа и молота». Дело происходит в Советском Союзе, где быть пролетарием отнюдь не зазорно, однако большинство мужчин в Салтовке – полуграмотные алкоголики, а большинство их детей бросают школу в пятнадцать и нанимаются на завод или просто блуждают по улицам, пьют и дерутся. Поэтому вполне понятно, что, даже живя в бесклассовом обществе, семья Савенко не могла расценить такой поворот в своей судьбе иначе как ссылку

и унижение. С первого дня Рая горько сожалеет о своем житье-бытье на Красноармейской, о компании офицеров, гордых тем, что они принадлежат к одному кругу, о книгах, которыми они обменивались, о вечеринках, когда мужья, расстегнув китель, под которым виднелась белая рубашка, танцевали со своими молодыми женами фокстроты и танго под музыку с трофейных немецких пластинок. Она мучает мужа упреками, приводит ему в пример более ловких сослуживцев, успевших продвинуться по службе на три чина, пока он тяжело переползал из младших лейтенантов в лейтенанты, и получивших хорошие квартиры в центре города, в то время как их семья вынуждена ютиться в одной комнате на этой ужасной окраине, где никто не читает книг, не танцует фокстрот, где приличной женщине не с кем перекинуться словом и где после каждого дождя улицы заливают темная жижа. Конечно, она не говорит, что жалеет, что вышла не за капитана Левитина, но думает она именно так, а маленький Эдуард, который так восхищался отцом, его сапогами, формой и пистолетом, считает его хотя и порядочным человеком, но дураком и начинает жалеть. Теперь он дружит не с детьми офицеров, а с пролетариями, и те, что ему нравятся больше других, предпочитают стать не рабочим классом, а шпаной. Такая карьера, как и в армии, предполагает определенный кодекс поведения, особые ценности и особую мораль, и всё это его привлекает. Он больше не хочет быть похожим на отца. Он не хочет вести жизнь честную, но глупую, – его манят свобода и опасности, без которых никогда не стать настоящим мужчиной.

Решающий шаг в этом направлении он сделал в тот день, когда подрался с мальчишкой из своего класса, здоровенным сибиряком по имени Юра. На самом деле это не он дрался с Юрой – это Юра отметелил его до полусмерти. Эдуарда привели домой в полуобморочном состоянии, всего в синяках и ссадинах. Верная принципам стоицизма, мать его не пожалела и не утешила – она встала на сторону Юры, и это, считает он, было очень хорошо: с того дня его жизнь изменилась. Он понял главное: люди делятся на две категории: те, кого можно бить, и те, кого нельзя. Причем последние не обязательно сильнее или лучше тренированы, просто они готовы убивать. Вся суть, весь секрет именно в этом, и маленький Эдуард твердо намерен перейти во вторую категорию: он будет мужчиной, которого не бьют потому, что всем известно: он может убить.

Потеряв должность начклуба, Вениамин теперь вынужден часто ездить в командировки, и они могут быть долгими. Какой в них смысл, не очень ясно. Эдуард, начинавший жить собственной жизнью, этим мало интересовался, но, когда однажды мать сказала ему, что отец возвращается из Сибири и она рассчитывает, что сын будет присутствовать на семейном обеде, он решил встретить отца на вокзале.

По привычке, усвоенной на всю жизнь, Эдуард пришел на вокзал загодя. Пришлось ждать. Наконец поезд Владивосток – Киев подошел к перрону, и пассажиры стали выходить из вагонов. Эдуард сел так, чтобы не пропустить никого, но отца всё не было видно. Он пошел в справочную уточнить время прибытия: ошибка была возможна, поскольку страна вмещала в себя одиннадцать часовых поясов, а на вокзалах часы отхода и прибытия поездов обозначались по московскому времени; этот порядок сохраняется и сейчас, и пассажир должен высчитывать время сам. Разочарованный и недоумевающий, Эдуард медленно бродил по перрону, переходя с одной платформы на другую, в грохоте составов и мелькании вокзальных фонарей. Старухи в платках и валенках, с ведрами огурцов и картошки, предлагавшие свой товар проезжающим, толкались и ворчали на него. Он пересек запасные пути, дошел до складского тупика и там, в глухом вокзальном углу, между двумя составами неожиданно для себя увидел такую сцену: люди в гражданской одежде, в наручниках, с растерянными лицами и блуждающими взглядами спускались из товарного вагона; солдаты в шинелях, с винтовками с примкнутым штыком, грубо заталкивали их в черный крытый грузовик без окон. Операцией руководил офицер. В

одной руке у него была пачка документов, подшитых в папку, другая лежала на кобуре пистолета. Он сухо зачитывал список фамилий.

Этим офицером был его отец.

Эдуард не вышел из своего укрытия до того момента, пока в грузовик не поднялся последний заключенный. А потом, смущенный и пристыженный, побрел домой. Чего он стыдился? Не того, что его отец оказался одним из тех, на ком держался чудовищный репрессивный режим. Мальчик плохо представлял себе эту систему и никогда не слышал слова «ГУЛАГ». Он знал, что существуют тюрьмы и лагеря, где сидят преступники, и это не вызвало у него возражений. А произошло вот что, хотя он сам в тот момент плохо это понимал и не мог объяснить себе причину своего смущения: менялась его собственная система ценностей. Когда он был ребенком, для него существовали военные с одной стороны и гражданские – с другой, и, даже если он мало что понимал в сути происходящего, отец, как военный человек, заслуживал уважения. В неписаном кодексе, по которому в Салтовке жила улица и который для него тоже становился обязательным, существовала уличная шпана с одной стороны, а с другой были менты. И вот сейчас, когда он уже встал на сторону первых, вдруг выясняется, что его отец не столько военный, сколько мент, причем самого низкого пошиба. Охранник при каторжниках, тюремщик, мелкий винтик системы.

Этот эпизод имел продолжение, но уже ночью. В единственной комнате, где жила семья, кровать Эдуарда стояла в ногах большой родительской кровати. Раньше он никогда не слышал, чтобы они занимались любовью, зато слышал, как они шепотом разговаривали, думая, что он спит. Крайне подавленный, Вениамин рассказал жене, что вместо того, чтобы, как обычно, сопровождать заключенных с Украины в Сибирь, ему пришлось везти их в противоположном направлении, причем вся группа была приговорена к расстрелу. Такие чередования маршрутов устраивались для того, чтобы не слишком подрывать психическое здоровье лагерной охраны: в один год всех приговоренных к смертной казни в СССР расстреливали в одной тюрьме, на следующий год – в другой. Я тщетно искал упоминания об этом невероятном обычае в литературе о ГУЛАГе, но, даже если Эдуард не совсем правильно понял то, что говорил отец, бесспорно одно: люди, выходявшие из вагона, чьи имена он читал по списку и ставил галочку, когда они поднимались в грузовик, были обречены на смерть. Один из заключенных, рассказывал Вениамин жене, произвел на него сильное впечатление. На его досье была пометка «Особо опасен». Молодой человек, всегда спокойный и вежливый, говоривший на изысканном русском языке и умудрявшийся – и в тюремной камере, и в вагоне – каждый день делать зарядку. Этот смертник, несгибаемый и элегантный, стал для Эдуарда героем. Он мечтал, что когда-нибудь станет таким же, тоже попадет в тюрьму и заставит себя уважать не только этих бедолаг-охранников, получавших, как и отец, жалкие гроши, но и окружающих женщин, и своих уличных друзей, и настоящих мужчин. И, как все свои детские мечты, он исполнит эту тоже.

4

Всюду, где бы он ни появился, Эдуард всегда самый маленький, самый слабый, единственный, кто носит очки, но в кармане у него постоянно лежит нож со штопором и лезвием, длиной превосходящим ширину ладони – расстояние от поверхности грудной клетки до сердца. Иными словами, таким ножом можно убить. Кроме того, Эдуард умеет пить. И научил его этому не отец, а сосед, бывший военнопленный. В принципе, говорил он, научить пить нельзя, просто надо родиться со стальной печенью. Как у Эдуарда. И всё же есть несколько хитростей: например, выпить маленький стаканчик постного масла, чтобы смазать кишечник перед большой пьянкой (я тоже слышал: моей матери об этом рассказывал старый священник из Сибири), и ничего при этом не есть (мне говорили противоположное, так что в этом совете я не уверен). Вооруженный тем, что ему дала природа, и грамотной техникой, Эдуард способен выпить литр водки за час, то есть по большому стакану каждые четверть часа. Этот талант помогает ему потрясти воображение азербайджанцев, приезжающих из Баку продавать на рынке свои апельсины: он выигрывает пари, и у него появляются карманные деньги. Кроме того, недюжинные способности позволяют Эдуарду выдерживать пьяные марафоны, которые в России называются *запойми*.

Запой – штука серьезная, это вам не банальная пьянка на один вечер, как у нас, за которую расплачиваешься опухшей физиономией. Настоящий запой предполагает, что ты не выходишь из состояния опьянения несколько дней кряду, бредешь куда несут ноги, садишься в поезд, не зная, куда он идет, рассказываешь первому встречному самые интимные секреты и в конце напрочь забываешь всё, что говорил и делал, – словом, нечто вроде волшебного сна. И вот однажды, когда Эдуард и его лучший друг Костя начали выпивать, ближе к ночи обнаружилось, что им не хватает горячего, и они решили обчистить продуктовый магазин. В свои четырнадцать Костя по кличке Кот уже успел побывать в колонии для малолетних преступников за вооруженное ограбление. С высоты собственного авторитета он внушает своему ученику Эдуарду золотое правило взломщика: «Действуй смело и решительно, не дожидаясь идеальных условий, потому что их не существует». Быстро оглядываешься, нет ли рядом прохожих, обертываешь кулак курткой, потом коротким жестом высаживаешь стекло в подвальном окне – и вот ты на месте. Внутри темно, но свет зажигать нельзя. Забираешь столько бутылок водки, сколько влезает в рюкзак, потом взламываешь кассовый аппарат. Всего двадцать рублей, небогато! В кабинете директора стоит сейф, но как ты его откроешь с помощью ножа! Костя всё-таки решает попробовать, и, пока он там пыхтит, Эдуард ищет, что бы еще стянуть. На вешалке за дверью висит пальто с каракулевым воротником – годится, это можно толкнуть. В глубине ящика он нащупывает початую бутылку армянского коньяка, видимо из личных запасов директора: своим покупателям-пролетариям он таких напитков не предлагает. В личной социологии Эдуарда все торговцы отнесены к категории жуликов, но он признаёт, что в хороших вещах они толк знают. Внезапно приятели слышат голоса; звук шагов раздался совсем рядом. От страха у Эдуарда сводит желудок. Подвернув полы ворованного пальто, он спустил штаны и, присев в углу, оставил прямо на полу жидкую кучку. Но тревога оказалась ложной.

Позже, выйдя тем же путем наружу, ребята остановились на одной из тех унылых детских площадок, которыми так любят оснащать городские дворы пролетарские архитекторы. Сидя на мокром грязном песке у подножия горки, проржавевшей настолько, что родители не пускают на нее детей, приятели прямо из горла допили бутылку коньяка, и Эдуард, немного стеснясь, похвастался, что сделал кучу в кабинете директора. «На что хочешь спорю, – заметил Костя, – что этот ворюга воспользуется кражей, чтобы скрыть собственное воровство». Потом они идут к Косте, и он запирает мать (вдову погибшего на фронте солдата) в комнате, чтобы не мешала.

На ее вопли и жалобы сын отвечает ей изысканной репликой: «Заткнись, старая сука, а то мой кореш Эд придет и выебет тебя!»

После ночной попойки ребята относят оставшиеся бутылки к Славке, который, с тех пор как его родители попали в лагерь за экономические преступления, живет с дедом в убогой халупе на берегу реки. Кроме Эдуарда и Кости, в тот день у Славки случился еще один гость по имени Горкун. У него были металлические зубы, татуировка на руках, он почти всё время молчал и был гораздо старше остальных. Слава похвастался, что половину из своих тридцати лет его гость провел на Колыме. Колымские трудовые лагеря на восточной окраине Сибири – одно из самых суровых мест заключения, и отмотать там три срока по пять лет было в глазах ребят высшей доблестью. Всё равно что стать трижды Героем Советского Союза. Время текло неторопливо. Они рассказывали друг другу всякие пустяки, лениво отгоняли комаров, тучей стоящих над струящейся в песчаных берегах водой, глотали теплую водку и закусывали ее маленькими кусочками сала, которое Горкун нарезал своим сибирским ножом. Все четверо были пьяны, но уже миновали стадию резкого чередования эйфории и черной тоски, характерную для первого дня попойки, перейдя в состояние упрямого и мрачного отупения, позволяющее запою принять правильный ритм. Ближе к ночи решили пойти всей компанией в Краснозаводской парк, где по субботам собиралась молодежь Салтовки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.